

Сергей КРИВОРОТОВ

Родился в 1951 году в Астрахани. Врач-кардиолог с высшими категориями по кардиологии и реаниматологии. Преподавал на кафедре кардиологии постдипломного образования врачей Астраханской медакадемии. С 2011 полностью перешёл на литературную деятельность.

Автор многочисленных публикаций в периодике РФ, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Финляндии, Германии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Израиля, Чехии, Дании (русскоязычные издания). Издано две электронные книги, 10 романов и сборников рассказов на бумаге. Призовые места в ряде литературных конкурсов.

Живёт в Астрахани.

СТАНЦИЯ БЕЗЫМЯННАЯ

На дальней станции сойду...

Из песни

Станция Безымянная – вот куда бы поехать, вот что ему надо. Не просто посёлок без названия, а совершенно особенное место. И оно само, и всё, что находится там, не имеет названия. Точно известно только, что там есть и зелёная трава, и тенистые деревья. Просто трава, а не какая-нибудь «люцерна», деревья, а не клёны или дубы. Каждый, шагнув на перрон станции Безымянной, тоже становится безымянным, просто человеком, человеком вообще, а не Васей или Митей в частности. И воздух там особый, на станции Безымянной, просто воздух как воздух, вовсе не смесь сернистого ангидрида с чем-нибудь похуже, взвешенном в азоте, кислороде и двуокиси углерода. Воздух без пыли, просто воздух. И от тех дождей, что идут над станцией Безымянной, не облезет краска на заборах и домах, домах без номеров, с открытыми дверями.

И улыбки у живущих на станции Безымянной тоже безымянные, люди улыбаются там просто так, безо всякой видимой причины, не в силу обстоятельств и не из вежливости, а потому, что им хорошо. И даже облака, разбросанные по небу лёгкими штрихами или тяжёлыми ключьями ваты, – просто облака, а не «перистые» или «кучевые».

Там говорят друг другу «ты» или вообще ничего не говорят, потому что почти все слова что-то да означают, что-то именуют, а там ничего не надо называть по имени, все понятно и так, без слов, как жест, как протянутая рука с открытой ладонью.

Никто не произносит там трескучих фраз и бьющих по ушам названий. Мнения там не навязывают: ими, если уж возникает такая потребность, просто обмениваются, как рукопожатиями, и от этого они нисколько не теряют своего содержания.

Станция Безымянная – вот куда бы поехать, но она не конечная, можно проскочить, прозевать в мелькании телеграфных столбов или серых буден. И когда вдруг оказывается именно так, поздно нажимать на стоп-кран. Как ему хотелось туда! Виноград там просто виноград, и вино там тоже просто вино, так же, как хлеб, так же, как молоко, и речка там тоже просто речка, как и вода, и рыба в ней тоже просто вода и рыба. Там есть колодцы, в которых вода до того вкусная и холодная, что захватывает дух, когда пьёшь. Синие вечера сменяют летом красные закаты, и падают над станцией Безымянной просто звёзды без названий, обыкновенные звёзды, увидев которые, загадывают желания.

Ночью небо там усыпано звездами, как нигде, и они так красивы, что не нуждаются в названиях. Никому не придёт здесь в голову выделить из этих россыпей семь звёздочек и назвать их «черпаком Большой Медведицы» или сделать ещё что-нибудь столь же нелепое. Вся масса звёзд, драгоценных точек, сверкает над станцией Безымянной в черноте ночи. Запахи смешиваются в ночном воздухе, как мошки под фонарём на перроне, и нельзя, просто невозможно дать какое-то название этому одному запаху станции Безымянной. В общем, эта станция – окно в совершенно другой и все же такой знакомый с детства мир.

Он рвался туда всем своим существом, подозревая, что и другие хотят того же, но не показывают вида.

Конечно же, там действуют те же законы природы, что и повсюду на Земле: направляясь туда, глупо надеяться, что окажешься в невесомости или начнёшь ходить вверх ногами. Сила тяжести там несколько не меньше и не больше, чем в том месте, где вы находитесь сейчас, масса вещества и энергия сохраняются точно так же, как везде. Но только никому из живущих на станции Безымянной до этого нет совершенно никакого дела. Они живут, просто живут, и их, несмотря на это, никак не назовешь бездельниками. Поехать бы к ним, чтобы жить, как они, пить воду из их колодцев и делать то, что надо для такой жизни, и несколько не больше.

Там ничего не купишь и не продашь. Вещи там просто вещи, они не утратили своей сущности, хотя на станции Безымянной нет понятия «ценности», «цены».

Только не надо думать, что булки растут там на деревьях, а куры несут исключительно золотые яйца. Конечно нет, но земля там плодородная и чёрная и не остается в долгу перед теми, кто её обрабатывает.

Но вот что беспокоило его больше прочего: допустим, он даже доберётся до этой станции и не пропустит, не проспит и не прозевает мига стоянки поезда у ее перрона. Вопрос в другом: пустят ли его на станцию Безымянную? Откинёт ли проводник подножку и разрешит ли спрыгнуть с поезда? Может быть, она пронесётся мимо сверхскоростного поезда жизни, мигнув тусклыми огоньками в ночи? Но нет, он не вправе так думать, он все же поедет туда, в единственно известное ему место, где каждый перерастает своё «я» и становится Человеком.

Тем страшнее осознать однажды, что ты несколько не придвинулся к своей цели. Станция Безымянная недостижимо манит где-то вдали за туманами и тридесятью землями. А ты даже ещё не в поезде, а в лучшем случае всего лишь на вокзале. И тогда надо собраться, бросить все и взять билет туда, куда позовёт её величество Безымянность. Скоростной экспресс рванёт тебя навстречу цели, а ты будешь в купе пить русский чай с сахаром, считая мелькающие за окном столбы, а то и рассказывать анекдоты молоденькой проводнице. Впрочем, весь-

ма вероятно, что на её месте может оказаться особа более почтенного возраста, по лицу которой трудно будет догадаться, за кого она вас принимает. Как бы то ни было, поезд понесётся вперёд, наматывая со стуком километры на свои железные колёса.

Так он и сделал. Взял билет и сел в поезд. В окне купе поплыл назад, ускоряясь до полного исчезновения, перрон, заполненный лицами и машущими в прощании руками, но для него совершенно пустой – его никто не провожал в этот раз. Сидел, пил сладкий чай и смотрел в окно, вскакивая каждый раз, чтобы узнать, какая станция будет следующей. Понеслись мимо столбы, деревья, потом поползла, раздвигаясь, степь, принимая в себя ввинчивающийся со скоростью поезд. Когда стемнело, замелькали за окном вспышки огоньков, исчезая позади, словно в прошлом, а зажегшийся ночник излучал ожидание.

На исходе первых суток он рассказал два анекдота проводнице, а на исходе вторых вышел на перрон станции Безымянной. Это была она и не она. Едва он ступил на столько раз снявшийся перрон, как двое рабочих, подставив лестницу, полезли снимать вывеску над маленьким вокзалом, и слова «Станция Безымянная» сменились другим, более конкретным названием.

– Ваши документы, – вежливо козырнул подошедший дежурный по перрону.

– Но почему? – удивился прибывший. – Разве я не приобрел безымянность, ступив на ваш перрон? Разве, эта станция не Безымянная?

– Увы, уже нет.

– Как же так? – беспомощно оглянулся на поезд, уносивший вдаль его ожидания. – Как же может так быть? Значит, все, что рассказывают о вашей станции, неправда?

– Видите ли, – вежливо объяснил полицейский, – всё, что вы знаете о бывшей Безымянной станции, – сущая правда. Но слишком уж много нашлось желающих поселиться здесь. С каждым днём поток приезжавших возрастал. Возле станции вырос целый городок, вы можете в том убедиться. И вот количество переросло в качество – станция Безымянная утратила свои необычные свойства и перестала быть Безымянной как раз в момент вашего прибытия. Возможно, вы и есть та последняя капля, переполнившая чашу возможной безымянности этого места. В любом случае нам нужно знать ваше имя, отчество и фамилию. Ведь ими будут названы главная площадь и улица нового города, родившегося с вашим появлением из станции Безымянной.

– Кажется, я всё понял, – вздохнул прибывший, протягивая свои документы. – Скажите, когда будет обратный поезд?

Он посмотрел на молодого парня в полицейской форме, читавшего его документы, на маленький облезлый вокзал, на серое небо над ним, зелень садов, окружавших станцию, не сознавая ещё, что и возвращаться-то никуда не надо, потому что здесь ждало то, от чего он уезжал.

В воздухе повис перестук молотков: на домиках, подступивших к железнодорожному полотну, вешали названия улиц нового города.